

Русская мысль. - Париж. - 1995.
- 30 марта. - 5 апр. - в 10.

Н.С.Гумилев. Его жизнь, творчество и время

Другой поэтический гений, Гёте, примиряет в своем универсальном миропонимании обоих русских поэтов. «Alles vergängliche est nur ein Gleichnis» («Все преходящее является лишь неким подобием»). Это выражение из «Фауста» как будто истолковано Владимиром Соловьевым:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

И здесь соприкасаются антиподы. Блок — последователь Соловьева, а Гумилев является в некоторых отношениях «младшим братом» Гете. Для него «Солнце духа» целебнее, чем солнце тропиков или Италии. Не был ли он сам символистом в начале своей поэтической деятельности? Не писал ли он — а ведь он явился ликвидатором символизма, — что вопросы, выдвинутые символистами, неисчерпаемы? Он был прав, ибо всякая настоящая поэзия немислима без символизма. Что же касается злоупотреблений, фигурства с «res in se» («вещью в себе»), то с этим приходилось кончать раз навсегда. И это сделал акмеизм. Отметим мимоходом, что и сам Блок, издеваясь над мистиками в своем «Балаганчике», уже боролся против лжерелигии так называемых символистов. Будучи национальным поэтом, Блок все больше и больше сближался с русским народом. Его стилистика все больше и больше походила на стилистику Пушкина.

Итак, как же объяснить его антагонизм с Гумилевым? Почему расхождение, разделившие их уже давно, все еще усиливались в последние годы их жизни? Почему оба поэта, которым было суждено умереть почти одновременно (в августе 1921 года), не соединились в жизни, как случилось потом в смерти? Блок старался объяснить этот факт в статье «Без божества, без вдохновения», в которой он нападал на акмеистический «Цех поэтов».

Созданный в 1919 г. Н.Гумилевым, М.Лозинским, Г.Ивановым и автором этих строк новый «Цех», к которому вскоре примкнули Г.Адамович, Н.Тихонов, В.Ходасевич и другие, издал в советской России три альманаха (1920—1922). Первый из них содержал, кроме стихотворений и статей самих акмеистов, произведения А.Блока, А.Белого и Ф.Сологуба. Второй альманах был издан после смерти Гумилева. В него вошли его последние стихи. Пишущий эти строки напечатал в нем статью «Гумилев и классическая поэзия».

Акмеизм и «Цех» в оценке Троцкого, Владиславлева и других

И.В.Владиславлев в своей «Литературе большого десятилетия. 1917—1927», Суслов, автор статьи «Акмеизм» в «Литературной энциклопедии», и многие другие, освещая позицию этой школы, цитируют стихи, иллюстрирующие антигазетный стиль «Цеха», и относятся довольно великодушно к непролетарскому происхождению этих стихов. Пример тому — статья Льва Троцкого, озаглавленная «Внеоктябрьская литература»: «В «Цехе поэтов» собрались отменно просвещенные слагатели стихов, которые знают географию, отличают рококо от готики, объясняются на французском языке и в высшей степени привержены к культуре. Они считают — и вполне основательно, — что «наша культура есть еще младенческий, слабый лепет» (Георгий Адамович). Внешней полировкой их не подкупишь: «Лоск не может заменить настоящей культуры» (Георгий Иванов). Вкус их достаточно точен, чтобы почувствовать, что Оскар Уайльд все-таки снос, а не поэт, в чем нельзя с ними не согласиться. Они презирают тех, кто не ценит «школы, т.е. дисциплины, знания, стремления вперед», — а такой грех нам не чужд. Они прорабатывают свои стихи очень тщательно. Некоторым из них, например, Оцупу, даже дан талант. Оцуп — поэт воспоминаний, сновидений и страхов. Он на каждом шагу проваливается в прошлое. «Счастье жизни» открывает ему только память. «Я даже место нахожу свое — поэта-зрителя и мещанина, спасающего свой живот от смерти», — говорит он с ласковой иронией над собою. Но и страх его никак не истерический, а почти что уравновешенный, страх владеющего собой европейца и, что прямо-таки утешительно, без мистических подергиваний, вполне культурный страх. Но отчего же пустоцветом прорастает их поэзия? Оттого, что они не творцы жизни, не участники в созидании ее чувств и настроений, а запоздалые пенкосниматели, эпигоны чужою кровью созданных культур. Они — образованные и даже изысканные имитаторы, начитанные, даже одаренные звукоподражатели, и не более того» («Петроградская правда», 16 сентября 1922).

Несмотря на довольно заметную иронию, Троцкий, который был еще в то время одним из всемогущих вождей партии, не проявляет особой вражды к литературному течению, возглавлявшемуся Гумилевым, только что расстрелянным. Высокопоставленный критик так же, как и нарком просвещения Луначарский, литератор-коммунист Воронский и несколько других высших должностных лиц, беспокоился о падении уровня литературных произведений в обстановке анархии, установившейся вследствие первого столк-

новения между бездарными «пролеткультовцами» и осмотрительными «спецами». Борьба между этими двумя силами никогда не прекращалась. Анализ различных стадий этой борьбы от начала революции до наших дней вел бы нас слишком далеко. То одна, то другая сторона брала верх. Но основные черты всей русской литературы от 1917 до 1952 года четко обозначились до смерти Блока и Гумилева.

В петроградском хаосе акмеизм стал некоей твердыней. Государственный строй, поняв необходимость защиты исторических памятников, без энтузиазма, но со скрытым уважением поощрял усилия акмеистов оградить вечные ценности от варварского нашествия.

Сам будучи великим «варваром», Блок разошелся с «Цехом». Он был по своему прав, нападая на крепость поэтической традиции. Он воспевал скифов, обращал двенадцать красногвардейцев в двенадцать апостолов, порицал Цицерона, восхвалял мужество Катилины. Ему было прежде всего очень важно стереть с лица земли всю «мещанскую» литературу. Он хотел начать с начала. Он был почти в бреду, ратуя за «tabula rasa» и проповедуя начало новой эры в истории человечества. Русский мессианизм обрел своего пророка.

Блок — из тех пророков, что всегда являлись в России
в кризисные времена

«Как Израиль, Россия всегда имела своих пророков в кризисные времена», — отмечает французский ученый Пьер Паскаль в своем «Аввакуме».

У поэтов, считавших себя ответственными за судьбы несчастной родины, угрызения совести никогда не достигали такой остроты, как в 1917—1921 годах. Начиная массовый исход за границу... Не все, однако, эмигранты жили со спокойной совестью. Они выбрали свободу, но разве многие другие не выбрали крестного пути? Одна из них — Ахматова. Здесь надо привести ее замечательное по силе и благородству чувств стихотворение:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византизма
От русской церкви отлетал,
Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда»...

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.